

сорского фонда удалось привлечь многих американских коллег (среди них Нобелевский лауреат – Лайнус Поллинг) и помочь переезду в США нескольким сотням русских деятелей науки и высшей школы. Этот фонд работал в союзе с Американским комитетом по эмиграции ученых, писателей и художников и Международным комитетом спасения.

События Второй мировой войны, а также «холодная война» не только дали официальный толчок процессу «утечки умов» из Европы в США, но и оказали мощное влияние на его дальнейшую перспективу. Вслед за США, и другие западные страны начали проводить целенаправленную иммиграционную политику по привлечению «чужих умов». Своего апогея этот процесс достиг в 1970-е гг., принося США, Канаде и Великобритании и другим странам миллиарды прибыли, способствуя постоянному увеличению разрыва между ними и развивающимися странами. К концу XX в., издавна существовавшая «утечка умов», приобрела в мире массовый характер. В настоящее время одним из самых серьезных «поставщиков» интеллектуального товара является Россия. Кроме поиска лучших условий жизни и оплаты труда, стимулом к эмиграции российской интеллектуальной элиты в США (а также – Канаду, Германию, Израиль) стало стремление повысить свой образовательный и профессиональный уровень, приобщиться к последним научно-техническим достижениям. США же, осознавая значимость науки для развития и безопасности своего государства, постоянно пересматривают свою иммиграционную политику в сторону все большего открытия границ для высококвалифицированных специалистов с учетом интересов рынка своей страны. При этом отъезд подготовленных специалистов из России, являясь безусловным благом для стран-реципиентов, объективно противоречит национальным интересам стран-доноров, в том числе, и нашей страны, и тормозит ее научно-техническое и культурное развитие. Подготовка образованных кадров требует от государства значительных вложений – по мировым меркам не менее 300 тысяч долларов на каждого специалиста¹⁰⁸, однако эти траты, как и потери от эмиграции, до сих пор недооцениваются в самой России¹⁰⁹.

венного симфонического оркестра. В 1920 выехал за границу и поселился в Париже. Награжден орденом Почетного легиона. В 1923 г. выехал в США. С 1924 по 1949 гг. был дирижером Бостонского симфонического оркестра. Как организатор известен созданием ежегодного музыкального фестиваля в Тэнглвуде, в Ленноксе. Награжден двумя дипломами доктора музыки от двух американских университетов. О нем см.: Русские в Северной Америке... С. 293.

¹⁰⁸ Латиноамериканские диаспоры в США / Ред. Б. И. Коваль. М., 2003. С. 68; Морозова В. С. Об «утечке умов» из России в Америку // США и Канада. Экономика-политика-культура. 2000. № 1 (361). С. 109–124.

¹⁰⁹ Лебедева Е. А. «Перекачка умов» в США // США: Экономика. Политика. Идеология. М., 1987. № 3. С. 89–97; Моисеев Н. Н. Они могут нам пригодиться лет через пять-десять // Поиск. 1992. № 44. С. 3; Ушкалов И., Валуков В. «Утечка умов» и рынок научных кадров // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 58–66, Ушкалов И. Почем российские мозги? // Поиск. 1995. № 51–52. С. 7, Цапенко И., Юревич А. Наука «убывающая» // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 2. С. 37–44, Некипелова Е. Ф., Гохберг Л. М., Миндели Л. Э. Эмиграция ученых: проблемы, реальные оценки / Центр исследования и статистики науки. М., 1994. 47 с., Егоров С. Российская научная диаспора // Предпринимательство. Политика. Наука. 1996. № 2. С. 45–49, Малаха И. А. Межгосударственная миграция научных кадров: состояние и перспективы Автореф. дис. канд. экон. наук / Институт международных экономических и политических исследований РАН. М., 1997. 24 с., Ушкалов И. Г.; Малаха И. А. «Утечка умов» из России: факторы, причины, последствия // Бизнес и политика. 1997. № 11. С. 60–64, Супян В. Б. Российская эмиграция в США. Социально-статистический портрет. М., 1998.

Ю. Н. СМЕРНОВ

А. ЭЙНШТЕЙН ОБРАЩАЕТСЯ К СОВЕТСКИМ УЧЕНЫМ – ПИСЬМО ПОПАДАЕТ К А. ВЫШИНСКОМУ *

В 1960 г. в США вышла в свет книга «Эйнштейн о мире»¹, в которую вошло интервью великого физика, впервые опубликованное 23 июня 1946 г. в газете «New York Times» под названием: «The Real Problem Is in the Hearts of Men» – «Реальная проблема находится в сердцах мужчин». Оно известно также и под другим названием «Only Then Shall We Find Courage» – «Только тогда мы обретем мужество».

В России это интервью впервые было опубликовано почти полвека спустя, когда в 1994 г. издательство «Наука» выпустило под редакцией М. А. Маркова книгу «Эйнштейн о мире» на русском языке².

Оказалось, однако, что задолго до русского издания упомянутое интервью А. Эйнштейна уже с сентября 1947 г. стало предметом специального изучения первым заместителем министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинским³ и другими чиновниками МИДа. Но во Всесоюзном обществе культур-

---

* «Облегченный» вариант статьи см. в журнале Атом. 2007. № 34. Я искренне благодарен Л. Д. Рябеvu, возглавлявшему в 1986–1989 гг. атомное ведомство страны, а затем ставшему зампре­дседателя Совета Министров СССР; первому замминистра иностранных дел России В. В. Лошину, директору Исторического и документального департамента МИД России А. А. Чури­лину, а также сотрудникам архива и библиотеки министерства – без их содействия и помощи эта статья не состоялась бы.

¹ Einstein on Peace / Eds. Nathan, O., Norden, H. N. Y., 1960.

² Я благодарен В. П. Визгину за эту информацию.

³ Вышинский Андрей Януарьевич (28.11(10.12).1883 – 22.11.1954), юрист. С 1903 г. – революционер. В 1908 г., находясь в бакинской тюрьме, тесно сошелся с находившимся в той же камере И. В. Сталиным. До и во время революции был на стороне меньшевиков. Уже с весны 1917 г. работал в прокуратуре. Летом 1917 г. подписал ордер на арест В. И. Ленина. После победы советского строя стал одним из главных идеологов социалистической законности, с 1920 г. – большевик (единственный, кому Сталин дал рекомендацию в коммунистическую партию). Творец «новаторского» положения о «презумпции виновности», когда решающее значение придавалось признанию обвиняемым своей вины во время допросов следователем. В 1923–1925 гг. – прокурор уголовного процесса в Верховном суде. В 1925–1928 гг. – ректор Московского государственного университета. Одновременно работал в судебных органах, в 1931–1933 гг. – прокурор РСФСР и замнаркома юстиции РСФСР. В 1933–1939 – заместитель генерального прокурора и генеральный прокурор СССР. Провел важнейшие процессы, пользуясь терминологией тех лет, по изобличению и уничтожению крупнейших уклонистов, оппозиционеров, предателей и других врагов трудового народа. Одновременно в 1937–1941 гг. – директор Института права АН СССР. Академик АН СССР – с 1939 г. В 1940–1949 гг. – первый замнаркома иностранных дел СССР (с марта 1946 г. – первый замминистра иностранных дел СССР). Постановлением Политбюро от 4 марта 1949 г. вместо Молотова назначен министром иностранных дел СССР. С 5 марта 1953 г. – первый замминистра иностранных дел СССР и постоянный представитель СССР в ООН.

ной связи с заграницей (ВОКС) интервью прочитали несколькими месяцами раньше, так как оно поступило туда вместе с особым письмом-обращением Эйнштейна к советским ученым от 30 апреля 1947 г. Альберт Эйнштейн просил о помощи (какой именно – увидим дальше). Итогом «специального изучения» в МИДе стали следующие решения: Эйнштейну не отвечать; все относящиеся к делу «бумаги» направить в архив МИДа; советских ученых не беспокоить.

Осенью 2005 г. в Архиве внешней политики (АВП) Министерства иностранных дел в одной из папок мне почти случайно попались на глаза эти и сопутствующие документы, из которых ясно, как все происходило. Естественно, главной темой письма Эйнштейна стала угроза, нависшая над человечеством с появлением атомной бомбы, а главной заботой – как спасти мир от надвигающейся катастрофы.

* * *

Напомним: работа над атомным оружием в США и СССР проходила в несопоставимых условиях. Были различными не только цели. Несопоставимыми оказались общественно-политический «климат» и технико-экономические возможности двух великих держав.

Еще в предвоенные годы «возмутителем спокойствия» в США стала когорта выдающихся западноевропейских физиков, бежавших в Америку от ужасов гитлеровского фашизма. Они привезли с собой тревогу, что Германия в состоянии первой овладеть атомной бомбой. Хотя к концу войны выяснилось, что немцы отстали и атомная бомба у Гитлера не появится. Но атомный маховик, раскрученный в США, уже невозможно было остановить. Естественно, нашлись и новые аргументы. Высокий научный потенциал и вклад физиков-эмигрантов из Европы, уникальные научно-технические и производственные мощности Америки, щедрое энергичное финансирование привели к успеху. 16 июля 1945 г. первая в мире атомная бомба была взорвана.

Наступила эра овладения новым могучим источником энергии. Появилось и атомное оружие небывалой разрушительной силы, способное уничтожить жизнь на Земле. Отныне в научном мире США особенно остро разгорелась дискуссия, в которой тон задавали разработчики атомного оружия: допустимо ли применение атомного оружия вообще и в войне с Японией в частности. Оказалось, допустимо и первое, и второе: Хиросима и Нагасаки погибли в атомном пламени. Одновременно, на глазах, портились отношения между США и СССР, переходя в состояние холодной войны.

Послевоенный СССР жил другими заботами. Почти вся европейская часть страны лежала в руинах. Неисчислимые жертвы коснулись практически каждой семьи. Деньги обесценились. Люди бедствовали и в подавляющем большинстве с трудом сводили концы с концами. Многие жили в землянках, на скудном пайке, имели лишь самую необходимую скромную одежду и утварь. Первая послевоенная засуха, случившаяся в стране в 1946 г., обернулась голодом...

Победа над врагом окрыляла. Но все видели, что тучи сгущаются. Советский Союз понимал, что в условиях американской атомной монополии, разгорающейся холодной войны между США и СССР нет иного выхода – кроме форсированного создания отечественной атомной бомбы.

К середине 1945 г. коллектив И. В. Курчатова вместе со всем вспомогательным и обслуживающим персоналом составлял только около 100 человек. Вдохновляла единственная мысль: пока есть время – успеть лишить американцев монополии на атомную бомбу. Потребовались предельная концентрация сил, всех ресурсов государства, введение самых жестких требований и мер, присущих партийно-бюрократическому прессу, созданному и отлаженному Сталиным. Всё это, как и в годы индустриализации или войны с гитлеровской Германией, должно было обеспечить решение атомной проблемы.

Но теперь руководство огромной страны еще острее нуждалось в том, чтобы знать, чем живет Советский Союз, что волнует людей? Один из придуманных для этого методов был на удивление прост. Специально подготовленные партийные работники встречались с гражданами, проводя лекции и беседы на животрепещущие темы, и затем отвечали на задаваемые вопросы. Оказывалось, слушателей интересуют не только обычные житейские проблемы (дефицит продуктов, нищенские зарплаты, трудные жилищные условия и т. п.), но и международные дела. Наиболее характерные вопросы и высказывания в ходе таких встреч собирались по всей стране, обрабатывались и, главное, в виде секретных сводок отправлялись в Москву. Вот несколько примеров.

В декабре 1945 г. Воронежский обком ВКП(б) передал в Москву 50 вопросов, заданных лекторам и докладчикам. Среди них были следующие: «Почему после окончания войны сельское население не снабжается солью, мылом, спичками, хлопчаткой, обувью и одеждой?»; «Почему не увеличивают хлебный паёк рабочим и служащим?»; «Зачем укреплять обороноспособность нашей страны, когда война закончена?»; «Скоро ли будет война Англии и США с Советским Союзом?»; «Что такое атомная энергия и как устроена атомная бомба?»; «Известен ли нам секрет производства атомной бомбы?»⁴.

29 сентября 1946 г. партийное руководство Челябинской области строго секретным документом сообщало в Москву, что студенты спрашивают, «будет ли у нас лекция по поводу речи Черчилля и выступления товарища Сталина по поводу этого заявления», а также просят «рассказать об атомной бомбе, что есть нового в этой области»⁵.

В секретном сообщении Свердловского обкома ВКП(б) в Центральный Комитет ВКП(б) от 13 сентября 1947 г. указывалось, что трудящиеся задают очень острые вопросы о необходимости снижения цен на продукты питания, об улучшении торговли, о трудностях получения квартир и прямо спрашивают: «Когда будет отменена карточная система?»; «Есть ли реальная угроза третьей мировой войны?»; «Будем ли воевать с Америкой?»; «Как обстоит дело по всеобщему разоружению и запрещению использования атомной бомбы?». В сообщении даже отмечалось, что «имеются отдельные люди, враждебно настроенные, неправильно расценивающие продовольственные трудности, вызванные неурожаем прошлого года, и высказывающие недовольство по поводу трудностей»⁶.

⁴ Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова и др. М., 2003. С. 399–400.

⁵ Там же. С. 345.

⁶ Там же. С. 296–297.

Насколько малообеспеченной и скудной была жизнь советских людей в период, когда страна включилась в героические усилия по созданию собственной атомной бомбы, видно даже из следующих примеров. Хотя в какой-то мере отчаянное положение спасала карточная система, рубль в годы войны сильно обесценился. Один из корреспондентов писал в правительство, что со времени войны буханка хлеба на рынке стоила 100 рублей ⁷. И это при среднемесячной зарплате рабочих и служащих в СССР 602,3 рубля в течение 1948 г., в то время как денежный доход колхозников на душу населения за весь 1950 год составил лишь 1133 рубля ⁸.

Таким образом, темы для общения советских людей в первые тяжелые послевоенные годы весьма отличались от тех, которые волновали граждан процветающей Америки. Однако ухудшение межгосударственных отношений, угроза возможного военного столкновения и проблемы атомной бомбы беспокоили оба народа.

Советское руководство развернуло работы по созданию отечественного атомного оружия в глубокой тайне. Были привлечены лучшие специалисты, задействована внешняя разведка и агентурные источники. Советские дипломаты должны были отстаивать на международной арене позицию СССР по проблемам атомного оружия и способствовать тому, чтобы не только выиграть время, но и создать в зарубежном общественном мнении благоприятное впечатление о Советском Союзе.

С этой точки зрения Сталину и его соратникам были далеко не безразличны настроения на Западе. В особенности среди представителей американской политической, военной и научно-технической элиты, так или иначе связанной с проблемами атомного оружия. Большое впечатление в СССР произвели слова Нильса Бора, напечатанные в лондонской газете «Таймс» 11 августа 1945 г. сразу после атомной бомбардировки Японии:

Цивилизация стоит перед выбором, который, возможно, является самым серьезным за всю ее историю, и судьба человечества зависит от способностей людей сплотиться перед лицом общей опасности и совместно использовать плоды грандиозных открытий, которые создает стремительный прогресс науки.

Как и слова Альберта Эйнштейна, сказанные репортеру «Нью-Йорк Таймс» сразу же после бомбардировки:

Мир не готов к тому, чтобы иметь дело с атомным оружием.

В прежние годы Альберт Эйнштейн полностью посвящал себя науке и избегал делать заявления по острым общественно-политическим вопросам. Теперь, сознавая опасность, которую несет атомная бомба для всего человечества, он возглавил в качестве председателя созданный им Чрезвычайный комитет ученых-атомников – *The Emergency Committee of Atomic Scientists*. Цель, которую он ставил перед собой, была отнюдь не легкой: пробудить в каждом человеке чувство личной ответственности перед будущим и противо-

⁷ Там же. С. 561.

⁸ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2002. С. 401–402.

стоять атомной угрозе. Из ученого-затворника он превратился в убежденного подвижника.

В апреле 1947 г. Альберт Эйнштейн как председатель Чрезвычайного комитета ученых-атомников решил обратиться за поддержкой к научной общественности СССР. Он адресовал свое письмо в Бюро секции естествознания и математики ВОКС – академику Иоффе⁹, с которым был давно знаком лично. Письмо включало личное обращение Эйнштейна, подборку материалов о задачах комитета и, наряду с другими документами, интервью Эйнштейна об угрозах наступившего атомного века «Только тогда мы обретем мужество» (см. Приложение). 6 сентября 1947 г. письмо А. Эйнштейна с сопроводительной запиской председателя правления ВОКС В. Кеменова было направлено по официальным каналам (уже секретной почтой) в Министерство иностранных дел СССР на имя первого заместителя министра А. Я. Вышинского. 9 сентября оно было зарегистрировано в его секретариате.

Здесь уместно напомнить еще одну историю, которая разыгралась в США практически в то же время. Член Чрезвычайного комитета Лео Сцилард, отличавшийся неумным темпераментом, был готов на самые невероятные шаги, чтобы избавить мир от атомной угрозы. Он намеревался написать даже личное письмо Сталину и с этой целью в октябре 1947 г. проконсультировался со знающими людьми. В результате он узнал о существовании закона Логара от 1798 г., который запрещает гражданам США лично взаимодействовать с иностранными правительствами. Сцилард заявил, что, возможно, через Элеонору Рузвельт будет добиваться встречи с государственным секретарем Джорджем К. Маршаллом... Однако разрешение на письмо Сцилард так и не получил. Тогда копию письма Сталину он послал в адрес генерального прокурора Томаса К. Кларка. Но это только подтолкнуло Кларка запросить у директора ФБР Эдгара Гувера компрометирующую информацию на Сциларда и распространить ее в Государственном департаменте и КАЭ¹⁰.

В конце концов, после того как помощник государственного секретаря Роберт А. Ловетт отказал в просьбе Сциларду, последний опубликовал письмо в «Бюллетене ученых-атомщиков», чтобы вызвать газетные статьи. Отклики в прессе были в большинстве своем положительны – ведь Сцилард писал о замедлении гонки вооружений, разъясняя Сталину, что «мир может быть спасен Вами, именно Вами». «Вашингтон Пост» и «Таймс Геральд» критиковали его за «наивность»¹¹. Но, отмечая «добрую волю Сциларда», хвалили его за большую энергию, воображение и патриотизм.

Неизвестно, знал ли Сталин о письме Сциларда. Какие-либо данные на этот счет отсутствуют. Тем интереснее, какая реакция последовала в официальной Москве на обращение А. Эйнштейна по столь важной и злободневной теме. А. Я. Вышинский ознакомился с необычным письмом Эйнштейна. Учитывая правила субординации в советских учреждениях того времени, только он (как хозяин документов) мог подчеркнуть красным карандашом от-

⁹ А. Ф. Иоффе – выдающийся советский физик, академик, в то время директор Физико-технического института в Ленинграде.

¹⁰ В то время существовало два Комитета по атомной энергии при американском правительстве и при ООН. О каком комитете идет речь, установить не удалось.

¹¹ *Лануэтт У. Гений в тени. Биография Лео Сциларда* / Пер. с англ. В. Б. Адамского. Саров, 2003. С. 431; *Lanouette, W. Genius in the shadows: a biography of Leo Szilard*. Chicago, 1994. P. 364.

дельные положения в тексте интервью Эйнштейна (в Приложении подчеркнутые фрагменты также выделены). По тем же бюрократическим правилам Вышинский не мог не рассказать об обращении Эйнштейна своему непосредственному начальнику В. М. Молотову. А так как в тот период Молотов практически ежедневно общался со Сталиным, нельзя исключить, что вождя также посвятили в эту историю.

Альберт Эйнштейн и подумать не мог о таком возможном развитии событий. Письмо великого физика на глазах перерастало в событие политического значения. Кстати, в нашей стране об обращении Эйнштейна в апреле 1947 г. к научной общественности СССР в связи с опасностью атомного оружия для человечества, — насколько я знаю, — до сих пор ничего не известно.

Итак, обратимся к рассекреченным документам, связанным с письмом Эйнштейна и сопутствующей ему внутренней перепиской, хранящимся в Архиве внешней политики Министерства иностранных дел России в виде отдельной папки ¹². Все документы (кроме интервью А. Эйнштейна и заявления Чрезвычайного комитета ученых-атомщиков) публикуются впервые.

Кеменов писал Вышинскому:

Секретно. Экз. № 1
Москва, 6 сентября 1947 г.
№ 1946/с

Заместителю министра иностранных дел СССР тов. Вышинскому А. Я.

ВОКС получил письмо известного ученого Альберта Эйнштейна, адресованное Бюро секции естествознания и математики ВОКС (академику Иоффе). В своем письме Эйнштейн от имени американского Чрезвычайного комитета ученых, работающих в области использования атомной энергии, обращается с просьбой об оказании помощи комитету в проводимой им работе (перевод письма и других материалов, присланных Эйнштейном, прилагаются).

Материальное участие советских ученых в работе этого комитета едва ли целесообразно. Во всяком случае, прежде чем обсуждать этот вопрос, следовало бы запросить через нашего посла т. Новикова ¹³ подробную информацию о работе комитета и о финансировании этой работы. Однако, учитывая возможность использования таких влиятельных ученых, как Эйнштейн, в борьбе против «атомной дипломатии», считал бы целесообразным ответить Эйнштейну письмом от имени Бюро научной секции ВОКС, в котором изложить точку зрения советских ученых по вопросам, которые поднимает Эйнштейн в своем письме и интервью, воспроизведенном в брошюре «Только тогда мы обретем смелость» ¹⁴ (перевод прилагается).
Прошу Вашего согласия.

Таким образом, Кеменов, понимая влияние и масштаб личности Эйнштейна, даже позволил себе добавить: «Считал бы целесообразным ответить Эйнштейну».

Приложение к письму Кеменова включало в общей сложности 33 страницы из послания А. Эйнштейна. Наряду с другими материалами были включе-

¹² АВП СССР. Ф. Реферантура по США. Оп. 31. Пор. 94. Папка 201. Л. 38–75.

¹³ Н. В. Новиков — в то время посол СССР в США.

¹⁴ Так в документе.

ны личное обращение Эйнштейна, заявление возглавляемого им Чрезвычайного комитета ученых и интервью, данное Эйнштейном Майклу Эймрайну «Только тогда мы обретем мужество», которое было опубликовано в газете «The New York Times» 23 июня 1946 г.

Обращение Альберта Эйнштейна гласило:

30 апреля 1947 г.

Дорогой друг,

Я обращаюсь к Вам за помощью по предложению друга.

Освободив атомную энергию, наше поколение принесло в мир самую революционную силу после открытия человеком огня в доисторические времена.

Открытие этой основной мощной силы Вселенной выходит из рамок отжившей концепции узкого национализма. Она не может быть секретом и против нее нет защиты. Нет иных возможностей контроля над ней, кроме как через растущее понимание и настойчивость народов мира.

Мы, ученые, сознаем нашу неизбежную ответственность за доведение до сознания наших сограждан понимания простых фактов из области атомной энергии и того значения, которое они могут иметь для общества. В этом наша единственная гарантия и наша единственная надежда – мы считаем, что информированные сограждане будут действовать для жизни, а не для смерти.

Нам необходим 1 000 000 долларов для выполнения этой великой воспитательной задачи. Поддерживаемые верой в способность человека контролировать свою судьбу при помощи применения разума, мы посвятили все наши силы и все наши знания этой работе. Я, не колеблясь, обращаюсь к Вам за помощью.

Преданный Вам
А. Эйнштейн

В подборке материалов, присланных Эйнштейном, особое внимание привлекает следующий документ:

Заявление Чрезвычайного комитета ученых, работающих в области использования атомной энергии

Все ученые признают следующие факты:

1. Атомные бомбы сейчас могут изготавливаться дешево и в большом количестве. Они станут еще более разрушительными.
2. Против атомных бомб нет военной защиты в настоящее время и не ожидается в будущем.
3. Другие народы могут самостоятельно овладеть производственными процессами, которые мы держим в тайне.
4. Подготовка против атомной войны бесполезна и, если война возникнет, это разрушит структуру нашего общественного порядка.
5. Если разразится война, атомные бомбы будут применены и они, несомненно, разрушат нашу цивилизацию.
6. Нет иного разрешения этой проблемы, кроме международного контроля над атомной энергией и, в конечном счете, исключения войны.

Программа Чрезвычайного комитета ученых, работающих в области использования атомной энергии, заключается в том, чтобы эти простые факты стали известны публике. Для того, чтобы достигнуть этой цели, он будет действовать через все соответствующие образовательные организации, вклю-

чая Национальный комитет информации по вопросам атомной энергии и ассоциации, входящие в Федерацию американских ученых.

Комитет не предполагает проводить какую-либо правительственную политику — ни в национальном, ни в международном масштабе. Его целью является сделать доступным понимание Атомной Эры, от которого должна зависеть такая политика.

Чрезвычайный комитет ученых

Тексты, которые Альберт Эйнштейн прислал в СССР вместе со своим обращением, самодостаточны и дают ясную картину. Предельно ясны смысл и цель его просьбы. Фрагменты интервью Эйнштейна, подчеркнутые красным карандашом (см. Приложение), красноречивы и говорят сами за себя. К ним можно добавить еще три отрывка из интервью, которые, казалось бы, должны были произвести особое впечатление на любого высокопоставленного дипломата Министерства иностранных дел СССР:

...мы использовали Объединенные нации, форму ее организации и ее процедуру для того, чтобы большинством голосов проваливать предложения русских, когда русские в некоторых случаях были правы. Да, я не думаю, чтобы какая-нибудь нация была все время права или все время неправа...

Мы не можем предоставить генералам, сенаторам и дипломатам решать судьбу целых поколений. Возможно, в течение ближайших пяти лет несколько наций уже будут иметь атомные бомбы, и тогда будет уже слишком поздно, чтобы избежать катастрофы...

Мы храним секреты, а секреты порождают недоверие. Я не говорю, что мы должны сейчас передать секрет атомной бомбы всему миру, но достаточно ли пылко стремимся мы к такому миру, где не нужно будет ни бомб, ни секретов, — к миру, в котором наука и человек будут свободны? Между тем, пока мы не доверяем секретности русских, а они не доверяют нашей, мы вместе шагаем навстречу гибели.

По указанию заместителя министра Я. А. Малика была выполнена независимая проверка достоверности информации, содержащейся в письме Эйнштейна. В результате была получена лаконичная «краткая справка», подготовленная исполняющим обязанности Поверенного в делах СССР в США Б. Тарасенко (см. далее). В архивной мидовской подборке документов тема Эйнштейна заканчивается этой справкой и, как увидит читатель, отрицательное решение ею предопределено. Оставлена без внимания и рекомендация председателя правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей Кеменова, который «считал бы целесообразным ответить Эйнштейну».

Письмо великого ученого осталось без ответа. Как если бы его вообще не существовало. Была проявлена элементарная невежливость. Таким образом, в важнейший, переломный этап международной жизни интеллектуальный потенциал, содержащийся в письме Эйнштейна, оказался в СССР невостребованным.

История с письмом Эйнштейна и характер его рассмотрения в Москве показательны и в том отношении, что они пришлись на период, когда интерес в советском обществе к проблеме атомного оружия и опасности войны с США все более нарастал. А с другой стороны, это было время целеустремленных,

глубоко засекреченных усилий Сталина завладеть собственной атомной бомбой. Действительно:

25 января 1946 г. Сталин лично беседовал в Кремле с И. В. Курчатовым, формулируя ключевые тезисы, которыми следует руководствоваться для быстрого и успешного выполнения программы по созданию отечественного атомного оружия.

25 декабря 1946 г. в Москве был пущен первый атомный реактор, который стал первым атомным реактором вне территории США.

8 июня 1948 г. в СССР был пущен первый промышленный реактор.

Наконец, 29 августа 1949 г. была испытана первая советская атомная бомба.

А. Эйнштейну вообще не везло на понимание со стороны представителей официальной советской науки, отстаивавшей догмы «марксистско-ленинской философии». Многие советские философы усматривали в теориях Эйнштейна откровенный идеализм и считали их глубоко ошибочными.

Но, как видим, не складывалось взаимопонимание и с официальными представителями СССР. Кстати сказать, тут первая взаимная неприязнь случилась ещё в 1930 г., когда Эйнштейн в числе других видных представителей Запада подписал протест против дела 48 советских специалистов, якобы организовавших голод в стране и затем расстрелянных. В этой истории одним из участников процесса был также Вышинский. В декабре 1930 года против Эйнштейна была даже развернута мощная кампания в советской печати¹⁵.

Итак, обратимся к заключительным страницам архивной папки по письму-обращению Альберта Эйнштейна:

Секретной почтой 22 ноября 1947 года и. о. Поверенного в делах СССР в США Б. Тарасенко в ответ на телеграмму от 17 ноября зам. министра иностранных дел СССР Я. А. Малика направляет следующую «краткую справку о Чрезвычайном Комитете ученых, работающих в области использования атомной энергии, председателем которого является профессор Альберт Эйнштейн»:

Справка

Чрезвычайный Комитет Ученых по атомной энергии

Чрезвычайный Комитет Ученых по атомной энергии создан в мае 1946 года в г. Принстон, штат Нью-Джерси, по инициативе профессора теоретической физики Принстонского университета Альберта Эйнштейна и профессора Чикагского университета Гарольда Урея. На первом заседании Комитета Эйнштейн был избран председателем Комитета, Урей – вице-председателем, а профессор Колумбийского университета Зелиг Гехт – почетным вице-председателем Комитета. Кроме того, в состав Комитета вошли:

Ганс Беси – профессор Корнельского университета;

Торфин Хогнес – профессор химии Чикагского университета;

Филип Морс – профессор физики, директор Бруклинской Национальной лаборатории, Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк;

Линус Паулинг – профессор химии Калифорнийского политехнического института;

Лео Зилард – профессор биофизики Чикагского университета;

¹⁵ Сванидзе Н. «1931. Академик Капица». Телевизионный канал «Россия». Трансляция состоялась 1 декабря 2004 г.

Виктор Вейскопф ¹⁶ – профессор физики Массачусетского института технологии.

После первого заседания Комитета в ноябре 1946 г. последний опубликовал заявление, в котором указывалось, что все ученые в настоящий момент признают, что:

Атомные бомбы могут производиться сейчас дешево и в большом количестве. Разрушительная сила этих бомб будет еще сильнее.

Не существует никакой военной защиты против атомных бомб и не ожидается, что она будет найдена.

Другие нации могут сами овладеть нашим секретом производства атомных бомб.

Готовность против атомной войны находится в несерьезном состоянии и, если война возникнет, структура американского общественного порядка будет разрушена.

Если война разразится, то атомные бомбы будут использованы и они, конечно, уничтожат нашу цивилизацию.

Комитет указал в своем заявлении, что нет другого выхода из создавшегося положения, кроме установления международного контроля над атомной энергией ¹⁷.

Помимо содействия развитию использования атомной энергии в направлениях, полезных человечеству, о чем, кстати говоря, упомянуто вскользь, целью Комитета является распространение среди американского народа знаний и информации об атомной энергии вообще и в частности довести до сведения народа Соединенных Штатов шесть вышеуказанных положений.

Чрезвычайный Комитет ученых по атомной энергии не является организацией, непосредственно вовлеченной в проведение кампании по распространению знаний об атомной энергии. Комитет лишь поддерживает в финансовом отношении другие организации, вовлеченные в это дело, такие как Федерация Американских ученых, объединяющая ассоциации ученых ряда университетов, Национальный Комитет по атомной информации и Бюллетень ученых по атомной энергии, который издается чикагской группой ученых при поддержке Рокфеллеровского фонда.

Причем под распространением знаний и информации об атомной энергии подразумевается не просто распространение научных и технических данных, а наряду с этим широко затрагивается вопрос об установлении контроля над атомной энергией и оказывается поддержка позиции американского правительства по этому вопросу. Кроме того, Комитет определяет политику и направление кампании по образованию. Для выполнения поставленных задач Комитет решил создать путем добровольных сборов фонд в 1 млн долларов.

Вице-председатель Комитета профессор Урей на первом заседании Комитета заявил, что проблема атомной энергии «может быть решена нашими правительственными чиновниками только в том случае, когда они будут иметь поддержку со стороны граждан США. Это является причиной, почему ученые по атомной энергии и другие группы стремились в течение последнего года обработать общественное мнение США в отношении этих проблем...»

¹⁶ В справке официального работника Посольства СССР в США Стриганова при переводе на русский язык фамилии и имени членов Чрезвычайного комитета были искажены, поэтому написание всех имен дано по-английски в порядке их упоминания: Albert Einstein, Harold C. Urey, Selig Hecht, Hans A. Bethe, Thorfin R. Hogness, Philip M. Morse, Linus Pauling, Leo Szilard, Victor F. Weisskopf. Весь текст справки, включая орфографию, приводится по оригиналу.

¹⁷ В справке опущены заключительные слова заявления Чрезвычайного Комитета ученых-атомщиков, а именно: «и, в конечном счете, исключения войны» (см. пункт 6 на стр. 115 этой статьи).

В заявлении Комитета указывается, что при демократическом определении политики американской нации по атомной энергии необходимо принимать во внимание мнение ее (нации) граждан и что американские представители в различных международных организациях всегда зависят от мнения общественности по тому или иному вопросу, вернее сказать, вынуждены считаться с мнением общественности страны. Согласно заявлению Комитета, идеи ученых по вопросу об атомной энергии отражены при формировании внутренней и внешней политики по этим вопросам (доклад Ачесона–Лиlientаля, доклад Баруха) и совпадают, следовательно, с мнением правительства по этим вопросам. Поэтому вся эта кампания по распространению знаний и информации по атомной энергии среди американского народа, предпринимаемая Комитетом, является по существу запугиванием и обработкой общественного мнения США в удобном для правящих кругов США направлении.

Комитет не собирается вмешиваться в политику правительства по вопросам атомной энергии. Он стремится лишь помочь народу понять атомный век, от которого такая политика должна зависеть. Не все члены Комитета согласны с тем, что международный контроль над атомной энергией может предотвратить опасность атомной войны. Профессор Лео Зилард не согласен в этом отношении с мнением большинства и на первом заседании Комитета заявил, что «национальная политика по предотвращению опасности атомной войны может базироваться только на военную готовность».

В июне 1947 года, т.е. примерно год спустя после образования Комитета, последний опубликовал заявление, в котором подчеркивается, что надежды на международные соглашения по контролю атомной энергии оказались несостоятельными, что достижению соглашения мешает нежелание отдельных наций частично поступиться своим национальным суверенитетом. Однако Комитет уверен, что проблема контроля атомной энергии может быть и должна быть разрешена на базе общего соглашения, которое гарантировало бы в разумной степени безопасность всех наций и предусматривало бы экономическое и культурное сотрудничество среди наций. По мнению Комитета, Соединенные Штаты призваны играть ведущую роль в этом мировом урегулировании и должны мобилизовать свои огромные ресурсы для помощи другим народам. Указывая затем, что для сохранения мира необходимо частично отказаться от национального суверенитета, Комитет призывает к организации мирового правительства [подчеркнуто Маликом? – Ю. С.]. В связи с этим профессор Эйнштейн обратился с призывом к Ассамблее Объединенных Наций немедленно заложить основы для мирового правительства, даже если СССР и его союзники останутся вне такого режима. По сообщениям печати, Эйнштейна в этом отношении горячо поддерживает профессор Лео Зилард.

Таким образом, от скрытой или завуалированной поддержки политики правительства по вопросам атомной энергии путем образовательной кампании, т.е. воздействия на общественное мнение страны, Комитет перешел к открытой поддержке империалистической политики Соединенных Штатов [подчеркнуто Маликом? – Ю. С.].

С первых дней своего образования Чрезвычайный Комитет ученых по атомной энергии поддерживал правящие круги США при проведении ими определенной политики в отношении атомной энергии путем обработки общественного мнения США в желаемом для правительства США направлении.

Учитывая вышеизложенное, мы должны отказаться от оказания какой-либо поддержки и помощи Комитету в проведении их образовательной программы.

* * *

Приложение

Только тогда мы обретем мужество ¹⁸.

Альберт Эйнштейн.

Интервью, данное Майклу Эймрайну.

«The New York Times». 23 июня 1946 года.

Многие люди обращались ко мне по поводу моей недавней фразы, что «если человечество хочет выжить, подняться на более высокий культурный уровень развития, необходим новый тип мышления».

В процессе эволюционного развития вида, для того чтобы выжить, часто бывают должны приспосабливаться к новым условиям. Сегодня, как мы знаем, атомная бомба глубоко изменила природу мира, и человечество вследствие этого оказалось в новой естественной среде, к которой оно должно приспособить свое мышление.

В свете новых знаний мировой орган управления и в конечном счете мировое государство не только желательно во имя братства, но и необходимо для сохранения человечества ¹⁹. В прошлые века жизнь нации и ее культура могли до некоторой степени быть защищены ростом вооруженных сил в международном соперничестве. Сегодня мы должны отказаться от соперничества и обеспечить сотрудничество. Это должно быть центральным моментом во всех случаях, когда мы рассматриваем международные дела, в противном случае нас ожидает определенная катастрофа. Мышление и методы прошлых веков не смогли предотвратить мировые войны. Мышление будущего должно предотвратить их.

Современная война, бомба и другие открытия ставят нас перед революционными обстоятельствами. Никогда прежде одна нация не могла вести войну против другой без того, чтобы не посылать свои армии через границы. Теперь, когда существуют ракетные двигатели и атомные бомбы, ни один населенный пункт на земной поверхности не безопасен от внезапного нападения и разрушения от одной атаки.

Америка имеет временное превосходство вооружения, но совершенно ясно, что мы не обладаем вечным секретом. То, что природа сказала одной группе людей, она в свое время скажет и любой другой, которая в этом заинтересована и которая достаточно терпеливо и настойчиво задает вопросы. Но наше временное превосходство налагает на нашу нацию огромную ответственность в руководстве человеческими усилиями, направленными на преодоление кризиса.

Американцам, как изобретательному народу, трудно говорить, что против атомной бомбы нельзя придумать какую-нибудь защиту. Но в этом-то все и дело. Ученые не знают даже такой области, которая обещала бы нам надежду на адекватную оборону. Люди, мыслящие как военные, не могут отбросить старые методы мышления – некий армейский департамент рассматривал возможности работы под землей и размещения заводов в военное время в таких местах, как Мамонтова Пещера ²⁰. Иные говорят о превращении наших населенных центров в «линейные» или «ленточные» города. Разумные

¹⁸ Текст, с которым работал А. Я. Вышинский.

¹⁹ Здесь и далее подчеркивания А. Я. Вышинского.

²⁰ Так в тексте документа.

люди, которым предлагаются эти новые факты, отказываются рассматривать такое будущее, в котором наша культура будет пытаться выжить в лентях или в подземных могилах. Нет также никакой убедительности в предложениях держать на побережье наготове 100 тысяч человек, которые с помощью радаров следили бы за небом. Никакой радар не защитит от Фау-2, а если после многих лет работы и придумают какую-нибудь «защиту», никакая защита не может быть абсолютной. Стоит одной только ракете с атомным зарядом попасть в Миннеаполис, и город будет выглядеть в точности, как Нагасаки. Винтовочные пули убивают людей, а атомные бомбы убивают города. Танк может служить защитой от пули, но в науке нет защиты против оружия, которое может разрушить цивилизацию.

Мы должны искать защиту не в вооружении, не в науке, не в уходе под землю. Мы должны искать защиту в законе и порядке.

Отсюда внешняя политика каждой нации в каждый момент должна рассматриваться с одной точки зрения: ведет ли она к миру закона и порядка или тащит нас назад к анархии и смерти? Я не верю, что мы можем в одно и то же время готовиться к войне и к мировому содружеству. Когда человечество держит в руках оружие, которым оно может совершить самоубийство, я считаю, что строить более мощные пушки означает увеличивать возможность катастрофы.

Помня о том, что наша основная задача сейчас – избежать катастрофы, давайте кратко рассмотрим сегодняшние международные отношения, и начнем с Америки.

Война, начавшаяся с того, что Германия применила против женщин и детей такие устрашающие оружия, которых еще не знало человечество, закончилась применением Соединенными Штатами еще более мощного оружия, убивающего одним ударом тысячи людей.

Многие люди в других странах относятся сейчас с большим подозрением к Америке, и не только из-за бомбы, но из-за боязни, что Америка станет империалистической. До недавнего поворота нашей политики я иногда сам был не лишен таких опасений.

Другие народы могли бы не бояться американцев, если бы знали, как мы знаем самих себя – честными, трезвыми и хорошими соседями. Но в других странах знают, что трезвая нация может быть опьянена победой. Если бы Германия не победила в 1870 году, какая трагедия человечества была бы предотвращена!

Мы все еще делаем бомбы, а бомбы вызывают ненависть и подозрение. Мы храним секреты, а секреты порождают недоверие. Я не говорю, что мы должны сейчас передать секрет атомной бомбы всему миру, но достаточно ли пылко стремимся мы к такому миру, где не нужно будет ни бомб, ни секретов, – к миру, в котором наука и человек будут свободны? Между тем, пока мы не доверяем секретности русских, а они не доверяют нашей, мы вместе шагаем навстречу гибели.

Основные принципы доклада Ачесона–Лилиентала являются здоровыми с научной точки зрения и остроумными с технической, но как мудро сказал мистер Барух, «это проблема этики, а не физики». Слишком большое ударение делается на легализме и процедуре; гораздо проще изменить естественные свойства плутония, чем изменить злой дух человека.

Единственным инструментом, которым мы должны работать, чтобы достигнуть чего-то лучшего, является Организация Объединенных Наций. Но мы использовали Объединенные Нации, форму ее организации и ее процедуру для того, чтобы большинством голосов проваливать предложения русских, когда русские в некоторых случаях были правы. Да, я не думаю, чтобы какая-нибудь нация была все время права или все время неправа.

Во всех переговорах, будь то переговоры об Испании, Аргентине, Палестине, продовольственном положении или атомной энергии, полагаясь на процедуры и постоянно угрожая военной силой, мы пытаемся использовать старые методы в мире, который изменился навсегда.

Никто не отрицает, что Организация Объединенных Наций иногда представляет основательные доказательства в оправдание той отчаянной надежды, которую возлагают на нее миллионы.

Но у нас нет времени разрешить проблемы, которые выдвинула наука и война. Могучие силы в мире политики стремительно движутся по направлению к кризису.

Когда мы оглядываемся назад, ко времени окончания войны, нам кажется, что это было 10 лет назад! Многие руководители в красивых словах выражают необходимость мирового руководящего органа, а впоследствии и мирового правительства, но реальные планы и деятельность в этом направлении разворачиваются удивительно медленно.

Частные организации ожидают будущего, а правительственные органы как будто живут в прошлом. Например, продолжая работать во имя преодоления национализма, мы видим, что национальный дух сохраняется в армиях дольше, чем где бы то ни было. Он мог бы быть смягчен в войсках Организации Объединенных Наций путем смещения военных подразделений различных стран, но, конечно, не путем сохранения цельных русских подразделений рядом с нетронутыми американскими. В таком случае обычное соперничество будет только поддерживать национальный дух солдат в этой международной армии насилия (принуждения). Вырабатывают ли военные штабы ООН конкретные предложения в направлении создания силы с истинно интернациональным духом, — я еще об этом нигде не читал.

В Международных советах мы точно так же мучаемся над вопросом о представительстве. Для некоторых, например, кажется несправедливым тот факт, что каждая маленькая латиноамериканская нация должна иметь один голос наравне с крупнейшими нациями. С другой стороны, представительство по количеству населения может показаться несправедливым высокоразвитым государствам, так как в нашем мире сложной техники огромные массы темных отсталых народов, безусловно, не должны иметь столько же голосов, сколько народы с гораздо большим опытом.

Фремонд Райдер в своей превосходной книге «Великая дилемма мировой организации» обсуждает идею представительства на базе образования и грамотности — количества учителей, врачей и т. д. Отсталым нациям, которые стремятся получить в советах мужей равные права с великими державами, будет сказано: «Чтобы получить больше голосов, вы должны заработать их».

Этим и сотням других вопросов, касающихся желательной эволюции мира, уделяется, по-видимому, очень маленькое внимание. А между тем, некоторые лица, занимающие крупные посты в правительстве, предлагают оборонные и военные мероприятия, которые не только заставят нас жить в атмосфере всеобщего страха, но будут стоить нам астрономической суммы долларов, и в конечном итоге уничтожат наш свободный американский образ жизни — еще до того, как разразится война. Чтобы сохранить хотя бы временную всеобщую безопасность в век тотальной войны, правительство должно будет осуществлять тотальный контроль. Не заговор своевольных людей, а необходимость, вытекающая из создавшейся обстановки, требует некоторых ограничительных мер. Начав с фантастической опеки, навязанной невинным профессорам физики, старомодные мыслители постепенно и незаметно изменяют человеческие жизни и сделают это основательнее, чем делал Гитлер, так как силы, стоящие за их спиной, будут более мощными.

Перед налетом на Хиросиму ведущие физики убеждали Военный департамент не применять бомбы против незащищенных женщин и детей. Войну можно было выиграть и без этого. К решению этого вопроса подошли с точки зрения возможных будущих потерь американских жизней, а теперь мы должны подойти к этому с точки зрения потерь миллионов жизней во время будущих атомных бомбежек. Решение, принятое американцами, возможно, было ошибочным, так как люди привыкли считать, что оружие, примененное один раз, может быть применено и в другой.

Если бы мы показали другим нациям испытание бомбы в Аламогордо, Нью-Мексико, мы могли бы использовать это для воспитания новых людей. Это был бы внушительный и подходящий момент для рассмотрения предложений об организации нового мирового порядка и прекращения войн. Если бы мы объявили это оружие слишком ужасным для того, чтобы его применять, наша позиция имела бы огромный вес во время переговоров, это сделало бы убедительной искренность нашего предложения другим нациям объединиться в совместных усилиях поставить эту новую энергию на службу и благо человечества.

Старый тип мышления может выдвинуть тысячи возражений «реализма» против такой простоты. Но этот тип мышления игнорирует *психологические реальности*. Все боится атомной войны. Все надеются на использование новой энергии в мирных целях. По сравнению с реальностью искренних желаний человека и реальностью опасности для человека, что значат устарелые «реальности» протокола и вооруженной защиты?

Во время войны многие отвыкли самостоятельно думать, так как многим приходилось делать то, что им приказывали. Сегодня отсутствие интереса к происходящим вокруг событиям было бы огромной ошибкой, так как обыкновенный средний человек может сделать очень многое для предотвращения опасности.

В нашей стране происходили большие дебаты по поводу угрозы со стороны держав оси, и сегодня снова нам нужна цепная реакция информации и связей. Каждое выдвигаемое предложение должно обсуждаться в свете основных фактов – в каждой газете, в школах, церквях, между соседями. Простое чтение об атомной бомбе дает знание уму. Только разговоры между людьми развивают чувства в сердце.

Даже сами ученые не понимают до конца атомную энергию, так как знания каждого человека не полноточны. Мало кто видел атомную бомбу. Но любой человек, если ему рассказать несколько фактов, может понять, что эта бомба и опасность войны весьма реальные вещи, а не что-то очень далекое. Это имеет непосредственное отношение к каждому человеку цивилизованного мира. Мы не можем предоставить генералам, сенаторам и дипломатам решать судьбу целых поколений. Возможно, в течение ближайших пяти лет несколько наций уже будут иметь атомные бомбы, и тогда будет уже слишком поздно, чтобы избежать катастрофы.

Игнорируя реальность веры, доброй воли и честности в поисках решения проблемы, мы возлагаем слишком большие надежды на законников, договоры и институты. Мы должны начать работать для достижения всеобщего соглашения и добиваться его через Комитет атомной энергии при ООН. Но Америка будет принимать решения не за столом Объединенных Наций. Наши представители в Нью-Йорке, в Париже, в Москве зависят от решений, принятых на деревенских площадях. На деревенскую площадь должны мы вынести все факты об атомной энергии. Оттуда должен идти голос Америки. Эта вера физиков подказала нам образование Чрезвычайного комитета ученых атомников с главным штабом в Принстоне, штат Нью-Джерси, чтобы сделать возможным проведение по всей стране великой кампании по распростране-

нию фактов об атомной энергии. Детальная разработка планов мировой безопасности будет облегчена, когда люди, ведущие переговоры, будут уверены в том, что широкая публика понимает наши дилеммы.

Тогда наши американские предложения будут не просто документами о структуре организационного аппарата, скучными, сухими заявлениями одного правительства другому, а посланием человечеству от нации человеческих существ.

Наука создала эту опасность, но реальная опасность находится в умах и сердцах людей. Мы не изменим сердца людей аппаратами, мы изменим их изменением наших сердец и мужественным разговором.

Мы должны быть великодушными, давая миру наши знания о силах природы после того, как будет установлена гарантия против их злоупотребления.

Мы должны не только желать, но и активно стремиться к тому, чтобы подчинить себя обязательной власти, необходимой для мировой безопасности.

Мы должны осознать, что мы не можем одновременно готовиться к войне и к миру.

Когда у нас будет ясно в голове и сердце – только тогда мы обречем мужество, чтобы преодолеть страх, который преследует мир.

Ю. А. ДИССОН

**«БЛАГОРОДНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА» РОССИЙСКИМ
УНИВЕРСИТЕТАМ: ЛИЦЕИ И УНИВЕРСИТЕТСКИЕ
ПАНСИОНЫ В РОССИИ**

(конец XVIII – первая треть XIX вв.)

В начале XIX в. в Российской империи сложилась целостная система народного просвещения с четкой иерархической системой учебных заведений. Во главе стояли университеты, затем губернские гимназии, уездные училища и, наконец, приходские училища. Основополагающими документами этой системы были изданные 24 января 1803 г. «Предварительные правила народного просвещения», а также «Уставы учебных заведений», принятые в 1804 г. Однако на рубеже XVIII–XIX вв., в России появились и функционировали учебные заведения, которые в существовавшей системе народного просвещения стояли особняком, занимая промежуточное положение в иерархии учебных заведений. В уставе одного такого заведения – Гимназии высших наук князя Безбородко – было сказано:

Она состоит между учебными заведениями в числе занимающих первую степень после университетов, в Империи существующих, и отличается перед губернскими гимназиями как высшею степенью преподаваемых в ней наук, так и особенными ей дарованными правами и преимуществами ¹.

К группе таких «учебных заведений особого типа» следует отнести: Московский университетский благородный пансион, Демидовское высших наук училище в Ярославле, Императорский лицей в Царском Селе, Ришельевский лицей в Одессе, Благородный пансион Главного педагогического института (с 1819 г. Петербургского университета), Нежинскую гимназию высших наук князя Безбородко и Кременецкий лицей. Это были привилегированные учебные заведения, где дворянские дети получали энциклопедическое образование и проходили подготовку к государственной гражданской службе.

Уже с середины XIX в. появляются работы, посвященные таким учебным заведениям. В 1859 г. по инициативе графа Г. А. Кушелева-Безбородко была издана книга «Лицей князя Безбородко», посвященная Нежинской гимназии высших наук, впоследствии преобразованной в лицей ². Издание содержит ценные материалы, написанные непосредственными участниками этих событий, биографические сведения о директорах этого учебного заведения, выдающихся преподавателях и воспитанниках. В 1861 г. вышел в свет «Историче-

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. I. С. 1819.

² Лицей Князя Безбородко. СПб., 1859.